

Думал ли 20-летний помощник пиротехника Жора Натансон, дававший по команде Ивана Пыррева дымы в картине «Секретарь райкома» (1942), что станет известным режиссером? Во всяком случае, он к тому стремился.

И его первый фильм «Небесное создание» получил Гран-при на МКФ в Венеции в 1956 году. Потом были «Шумный день» (1960), «Все остается людям» (1963), «Старшая сестра» (1966), «Еще раз про любовь» (1968), «Посол Советского Союза» (1970), «Повторная свадьба» (1975), «Валентин и Валентина» (1985).

Новая работа — художественно-публицистический фильм о Михаиле Булгакове «Я вернусь...»

— Интерес к Булгакову у вас возник явно не вдруг?

— Конечно, а «подогреет» он был давней любовью к МХАТу времен О.Л. Книппер-Чеховой, А.К. Тарасовой, А.О. Степановой, Ф.В. Шевченко, В.И. Качалова, И.М. Москвина, М.М. Тарханова, Л.Л. Леонидова, Б.Г. Добродеева, Н.П. Хмелева, М.И. Прудкина. Мне посчастливилось увидеть все спектакли с этими великими актерами.

В 1937 году я, 16-летний мальчишка, присутствовал на премьере «Анны Карениной». В тот день МХАТ заполнили колхозники-ударники, съехавшиеся в Москву на свой съезд. Рядом со мной сидела дородная русская девушка. От нее пахло молоком! И вот когда Каренин — Николай Хмелев — достает письма от Вронского и обвиняет Анну — Аллу Тарасову — в том, что она принимает в доме любовника, а Анна объявляет, что любит Вронского, моя соседка в полнейшей тишине на весь театр крикнула: «Молодец дивчина!».

Мне посчастливилось увидеть «живую» и Булгакова в роли незабвенного президента суда в «Пиквикском клубе». Владимир Губиков совершенно гениально играл мистера Пиквика, Павел Массальский — Джингля. Булгаков сам придумал себе грим. Как рассказывал художник-гример МХАТа Я.И. Гремиславский, Булгаков считал, что «...президент суда должен быть похож на паука». Михаил Афанасьевич говорил, что наслаждается этой ролью.

— Вы видели вяжве «историю искусств» второй половины XX века...

— Я видел многих. Часто вспоминаю Александра Лукича Птушко. Выдающийся кинорежиссер-сказочник, художник, он был для меня живой легендой еще до «Садко». Его «Новый Гулливер» (1935) удивил и восхитил весь кинематографический мир и получил не одну международную премию. А в Алма-Ате, куда во время Великой Отечественной войны были эвакуированы «Мосфильм» и ВГИК, Птушко открыл в себе еще один, довольно неожиданный, талант: шил изысканную дамскую обувь, работал сапожником, а из перламутра выделывал изумительные броши. И тем зарабатывал на жизнь. Птушко первым заступился за меня, когда на «Мосфильме» началась борьба с «космополитами».

— Как это было?

— Сняли половину «Садко». И вдруг на «Мосфильме» вывешивают приказ дирекции об увольнении в связи с сокращением штата (в списке более 70 фамилий) — и почти одних евреев. Здесь были я, и Михаил Швейцер, и другие режиссеры, помрежи, художники и т.д. «Это решение Комитета по кинематографии СССР», — ответили Птушко на студии. — Ничего сделать не можем.

Птушко помчался к зампредседателя комитета по кадрам И. Лукашеву, известному пьянице и бабнику. «Ничем помочь не могу». От разговора со мной директор студии отказался, и я пошел к его заместителю К. Фролову. «Сокращение штата!» — «Но я единственный кормилец в семье, на моем иждивении — большая мама, жена с малолетней дочуркой. Отец, профессор Плехановки, «белобилетник» по зрению, добровольцем ушел в народное ополчение и погиб, защищая Москву...» — «Ничем вам помочь не могу».

Я — в отчаянии. Обратился в районный суд с иском к «Мосфильму» о незаконном увольнении с работы. «Я вам советую забрать свое заявление, — сказала судья, милосердная молодая женщина. — Все равно мы вам откажем».

«Почему?» — «Есть указание: с такими фамилиями, как у вас, на работе не восстанавливать». — «Пусть будет суд». Суд продолжался 15 минут. В иске отказал. Я вышел из зала заседания и разревелся. От обиды, бессилия, несправедливости.

Спустя некоторое время решил написать письмо Н.С. Хрущеву, тогда секретарю ЦК и первому секретарю МК партии. Опустил конверт в почтовый ящик приемной МК ВКП(б) на улице Куйбышева. Буквально на той же неделе мне позвонили. «Я вам ничего не обещаю, но попытаюсь поговорить о вашем деле с Никитой Сергеевичем», — сказал инструктор МК Иванов, будущий директор театра им. Вахтангова. Дней через пять от него звонок: «Срочно зайдите!».

Встретил меня улыбаясь: «Никита Сергеевич дал распоряжение Большакову восстановить вас на работе». На следующий день вызывает директор «Мосфильма» Кузнецов: «Сейчас же выходите на работу. Птушко не дает покоя, требует вашего восстановления».

— Ваш первый фильм «Небесное создание» (1956) — кукольный и вашим сорежиссером был Образцов...

— Посмотрев легендарный «Необыкновенный концерт», я пришел к Сергею Владимировичу с предложением сделать кукольный фильм. «Ну что же, мне это интересно, — сказал он. — Давайте сделаем ироничный фильм о каком-нибудь певце». Это было время, когда поклонники Лемешева и Козловского даже готовы были целовать след их шагов... В Венеции фильм получил Гран-при. Мне было 35 лет. Никто из наших режиссеров в таком возрасте подобной награды за рубежом тогда не получал. По «Мосфильму» поползли слухи: мол, фильм Натансону сделал Образцов. Конечно, Образцов был для меня учителем, давал консультации по сценарию, там играли актеры его театра, но на съемках он ни разу не появился. По сути, это моя первая самостоятельная работа. И вообще, первый фильм с «живыми» куклами на руках.

Не однажды бывал у Образцова дома. Запомнился первый визит. Когда я собрался уходить, он вдруг сам снял с вешалки мое пальто и подал его. Меня бросило в жар: «Что вы, Сергей Владимирович! Я надену его сам!». Он ни в какую: «Георгий Григорьевич, так должен делать каждый интеллигентный человек». Эти слова я запомнил на всю жизнь. И поступаю со всеми своими гостями точно так же.

— Это правда, что вы дали от ворот поворот Шукшину?

— Да. Это произошло на моей второй картине «Белая акация» (1957) по одноименной оперетте И. Дунаевского. В то время, когда я еще искал актеров на главные роли, ко мне подошел незнакомый артист, снимавшийся в картине «Два Федора», и предложил себя на главную роль. Как всякий молодой человек, я был максималистом и романтиком и считал, что главный герой непременно должен быть красавцем. Поэтому отклонил предложение этого «выскочки». Им-то и был Василий Шукшин.

— Как вы оказались вторым режиссером в фильме «Иваново детство»?

— По весьма прозаической причине: директор студии обещал квартиру. Сначала «Иваново детство», то есть «Ивана», делал режиссер Эдуард Абалов.

Он снял полкартины, но неудачно. Предлагали нескольким режиссерам, в том числе и мне, закончить ее на оставшиеся деньги. Все мы отказались. В это время Андрей Тарковский вместе с оператором Вадимом Юсовым закончил на «Мосфильме» свой дипломный короткометражный фильм «Каток и скрипка» (1961). И кто-то сосватал ему «Ивана». Меня вызвал Суриков: «Пойдите туда вторым режиссером. Сделайте хоть посредственную картину, только чтобы Госкино ее приняло и списало деньги».

Но Тарковский обвел всех вокруг пальца. Вместе с Андреем Кончаловским все заново переписал. И сделал шедевр. Работа с Тарковским многому меня научила, в том числе тому, что каждый режиссер имеет право на собственное видение событий...

— Известно, что со «Старшей сестрой» (1966) вы натерпелись не только во время съемок, но и позже — на декаде советского кино в Италии...

— Меня и Татьяну Доронинову послали туда председателем Кинокомитета А.В. Романов. От нашей картины он был в восторге. В Риме делегацию разделили. Одни уехали в Милан, другие остались. А картинами обменивались. Мы оказались в миланской группе. И вот первый просмотр «Старшей сестры». Бура аплодисментов. Доронинова забрасывают цветами. Толпы фотокорреспондентов. Итальянские газеты писали: «Родилась новая советская звезда». Приехал зампредседателя Кинокомитета В.Н. Головня: «Слышал, у вас тут необыкновенный успех. Поздравляю. Теперь отвозим «Старшую сестру» в Рим, а вы здесь будете представлять другие картины». На следующий день Татьяна говорит: «Я поняла, что мы не едем в Рим». — «Да, это так». — «Головня — полный идиот! Он

что, из банно-прачечного треста?» — «Нет, окончил операторский факультет и был даже директором ВГИКа, а теперь зампредседателя Кинокомитета». — «Какой рост, какой рост! Ну, значит, мозги не варят! Единственная советская картина, которая здесь пользуется большим успехом! Как это нашу картину будут представлять за нас?! Пойдемте к нему».

«Владимир Николаевич, когда мы поедем в Рим?» — спрашивает она своим вкрадчивым голосом, шокировавшим на пробах мосфильмовский худсовет. «Перед отлетом в Москву, на заключительную пресс-конференцию». — «Кто же будет представлять «Старшую сестру»? — «Кто-нибудь из наших актеров». — «Владимир Николаевич, кто вы такой?» — «Как, кто такой? Руководитель советской делегации, зампредседателя Комитета по кино». — «Владимир Николаевич, вы — ничто». Он

с вашим вторым «доронинским» фильмом «Еще раз про любовь» (1968)?

— Идея поставить фильм принадлежит Эдварду Радзинскому. Еще на съемках «Старшей сестры», где мы с ним познакомились благодаря Дорониной, он спросил: «Вы, конечно, видели спектакль по моей пьесе «104 страницы про любовь»? — «Нет». — «Как?! Вся страна смотрит! У меня масса предложений экранизировать». Времени было в обрез, не до театра, попросил дать почтить пьесу, что он и сделал. На пьесе надпись: «С надеждой на совместную успешную работу».

Сценарий приняли на «Мосфильме», но отвергли в Госкино: «Пошлость неимоверная!» Почти целый год обивал пороги киноначальников. Председатель Кинокомитета А.В. Романов заявил: «Как вы решились после прекрасной «Старшей сестры», в

Георгий НАТАНСОН:

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

К БУЛГАКОВУ, ТАРКОВСКОМУ И ДОРОНИНОЙ

которой открыли замечательную Татьяну Доронинову, снимать такую пошлость? Съемки разрешить не могу». В конце концов после бесконечных уговоров первого зампредседателя Кинокомитета В.Е. Баскакова он в обход Романова разрешил начать работу.

Потом также в обход послал «Еще раз про любовь» на Международный кинофестиваль в Картахену (Колумбия), где за меня ее представляли работники Госкино. Картина получила Гран-при — серебряную вазу высотой почти метр с золотой пластинкой: «За мастерство режиссуры и высокие моральные качества». «Ну что ж, поздравляю, — сказал мне потом Романов. — Обманули вы с Баскаковым меня. Воображаю, какие там показывали итальянские, американские картины, если ваша оказалась самой моральной. А это — вам», — и дотронулся до большой серебряной вазы — Гран-при. Вазу поместили в музей Союза кинематографистов. А мне выдали красную карточку с отпечатанным на машинке в переводе с испанского на русский язык текстом с золотой пластинки...

— Какие у вас планы?

— Опять же они связаны с Булгаковым, с его пребыванием во Владикавказе, куда он был направлен после мобилизации осенью 1919 года в белую армию. Собран огромный уникальный материал. Позволит ли здоровье?..

Во время борьбы с «космополитизмом» он обратился в районный суд с иском о незаконном увольнении

Первый же его фильм получил Гран-при в Венеции

Елена КОНСТАНТИНОВА